

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО ГЛАЗАМИ ДВУХ ОППОНЕНТОВ: РИЧАРДА ПАЙПСА и АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

I. Российскому дворянству в Отечественной историографии отведено много места; после трудов Ключевского и Соловьёва первым современным научно-состоятельным исследованием считается труд А. Романовича-Славатинского «Дворянство в России», вышедший 2-томным изданием в Киеве в 1912 г. В советское время даже самые серьёзные историки вынуждены были в своих оценках исходить из позиции В. Ленина, рассматривавшего дворянство в первую очередь как класс «помещиков-крепостников». Советские историки 2-й половины XX века — В. Дякин, Ю. Соловьёв, В. Старцев и др., выпустившие в поздне-брежневскую эпоху несколько монографий, фокусировали внимание, в основном, на теме «дворянство перед тремя революциями», что сужало взгляд на тему «российское дворянства» избранными периодами русской истории и конкретными историческими ситуациями.

II. В наше время наибольший интерес представляют взгляды на российское дворянство двух современников, чьи работы и действия, в частности, на политической сцене, оказали заметное влияние на ход истории. Это — американский профессор Ричард Пайпс и русский писатель Александр Солженицын. Их воззрения интересны ещё и тем, что своё понимание истории они сумели воплотить в такие действия, которым все мы без преувеличения обязаны нынешним миропорядком; от теоретических воззрений они перешли к их успешной реализации в практической политике и победили.

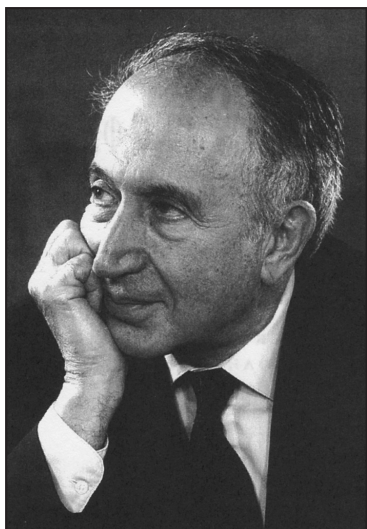
О нашем духовном лидере — А.И. Солженицыне — давать пояснения излишне. Ричарда Пайпса у нас знают лишь историки, а из неспециалистов — считанные единицы. Поэтому представлю его немного подробнее. Он — американский профессор истории, окончил Корнеллский и Гарвардский университеты. В 1968—1973 гг. был директором Центра русских исследований в Гарварде, в 1981—1982 гг. — директор отдела Восточной Европы и Советского Союза в Совете национальной безопасности (СНО), где занимался выработкой основных положений политики администрации Рейгана по отноше-

нию к Советскому Союзу. Он предсказывал, что «в скором времени наследники Брежнева расколются на фракции «консерваторов» и «реформаторов» и призывал администрацию Президента поддерживать реформаторские силы внутри СССР. Рекомендовал прекратить поддержку СССР в разработке его природных ресурсов. В 1983 г. выступил с критикой работы ЦРУ, за постоянное «проецирование своих воззрений на противоположную сторону и принятие желаемого за действительное». В 1983 г. вернулся в Гарвард, ныне на пенсии, занимается литературным трудом.

III. Сравняя их — Пайпса и Солженицына — взгляды на российское дворянство, учтём, что А.И. своё понимание действующих в русской истории сил изложил почти исключительно в своем великом «историческом повествовании в отмеренных сроках» — «Красное колесо». Ричард Пайпс написал несколько книг по русской истории — «Россия при старом режиме», «Русская революция», «Россия при большевиках» и др., где он последовательно рассматривает причины и следствия узловых исторических событий и много места уделяет роли отдельных сословий в развитии России. Солженицын мыслит образами и документами, Пайпс — аргументами и доказательствами.

Нельзя пройти и мимо их личных взаимоотношений. Пайпс — как и полагается — и антикоммунисту и квалифицированному историку — читал и «ГУЛАГ», и «Красное Колесо», Солженицын — как минимум, книгу Пайпса «Россия при старом режиме». Они знакомы и лично — их пути на американском континенте пересекались, они вели полемику и в прессе. Друг друга недолюбливают, исходя каждый из собственных воззрений по вызывающим общий интерес вопросам. Пайпсу Солженицын представляется правым консерватором, не усматривающим перспектив для России на путях западной демократии. Солженицын не может простить Пайпсу его убежденности в том, что, по его мнению, корни коммунизма берут начало в русской истории, тогда как на деле — это зараза, проникшая к нам вместе с социалистическими утопиями из Европы, побочный продукт Западной цивилизации. Внешне взаимно корректны. По свидетельству Пайпса, «будучи в личных отношениях дружелюбным, он не отступил ни на йоту и в последующие годы, нападал на меня при всякой возможности». Пайпс несомненно антикоммунист, но — сахаровского толка...

Американский историк
Ричард Пайпс

IV. Теперь о главном — об их воззрениях на российское дворянство. В известном труде Р. Пайпса по русской истории «Россия при старом режиме» российскому дворянству посвящена отдельная глава. Подчеркиваю, именно российскому. Только у Пайпса мне встретились данные о национальном составе этого сословия. Согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года потомственные дворяне, составлявшие около 1 % всего населения, были представлены многими национальностями империи. Из общего их числа — 1 млн. 220 тысяч человек лишь для 641500 родным языком был русский (это русские, белоруссы и украинцы) — только половина... остальные — польские шляхтичи, дворяне тюркско-татарского, грузинского, немецкого и иного нерусского происхождения. (1, 2)

Именно Пайпс — в отличие от отечественных историков, увлекающихся более генеалогическими изысканиями, даёт обобщенный, некарикатурный портрет российского дворянства. Он считает необходимым указать, что «дворяне приобрели привилегированное положение лишь в конце XVIII в., когда монархия, стремясь отвлечь их от политики, приняла их в долю. В обмен на признание за царём полного господства в сфере высокой политики дворянам были предоставлены во владение их поместья и фактическое владение крепостными (в то время составлявшими около половины населения), дарованы сословные права, включающие освобождение от обязанности нести государственную службу. Золотой век дворянства пришёлся на период с 1730 по 1825 год». (1) После декабрьского восстания «Николай, уязвлённый изменой отпрысков славнейших дворянских фамилий, стал все более полагаться на профессиональное чиновничество» (Ibid).

Оценивая возможности дворянства как политического класса —

особенно в эпоху ускоренного развития капитализма в России, следует учитывать резкое расслоение этого сословия по уровню жизни и размерам собственности. Да и само понятие «собственность», оказывается, получило прописку в отечественной юриспруденции лишь при Екатерине II, в 1767 году (3), но здесь не место заниматься российской спецификой институтов собственности. Перед реформой, в 1858-1859 гг. всего 1400 помещиков владели 3-мя миллионами крестьян: эта верхушка российского потомственного дворянства составляла от общей численности дворян, владевших крепостными, всего 1,4% (2, с. 230), а ведь прошедшее сквозь более чем полтора века расхожее представление о дворянстве ассоциирует со столь ничтожно малочисленной группой, всё это сословие куда, конечно, входят самые родовитые фамилии — Шереметевых, Воронцовых, Морозовых, или их литературных двойников — Ростовых, Безуховых, Болконских, а на долю почти 80 % «помещиков-крепостников» оставалось всего 2 миллиона крепостных или по 25 крестьян на дворянскую душу. Они то и были прототипами гоголевских помещиков. «Русский землевладельческий класс так и не создал майората»; по смерти землевладельца раздел его имений происходил между его сыновьями примерно равными долями, и некоторые отпрыски некогда знатных родов в третьем-четвёртом поколении, беднея, «самым настоящим образом доходили до уровня холопов». (2, с. 232) Землю не собирали, как в странах Европы, а бесконечно дробили, что лишало подавляющее большинство дворян экономической независимости от власти.

Из бесправия экономического вытекает и бесправие политическое. Ещё «Николаевский Указ 1831 г. оставил право голоса в дворянских собраниях только за владельцами ста и более душ» (2, с. 235). Но если в среднем на рядового дворянина приходится 20-25 душ, то из них, как правило, мужчин насчитывалось не более семи. Говорить о товарности или хотя бы самодостаточности такого хозяйства невозможно. И Пайпс приходит к поразительному выводу: «98% дворян или вообще не имели крепостных, или имели их так мало, что их труд и оброк не обеспечивали хозяевам приличного жизненного уровня. Этим людям, — если только их не содержали родственники или покровители — приходилось надеяться лишь на щедрость короны. <..> Члены этого многочисленного класса были землевладельческой аристократией не в большей степени, чем современный служащий, вложивший часть своих сбережений в акции какой-либо компании,

является капиталистическим предпринимателем».

И далее: «Каким-то весом обладал, собственно, титул, приобретённый по службе, то есть, чин — а он зависел не от происхождения, а от благосклонности правительства. «Таким образом, классификация элиты осуществлялась не по социальному происхождению, а по социальной функции». (2, с. 242)

У Пайпса мы находим упоминание и о другом факторе дифференциации в н у т р и самого дворянского сословия — уже не только по достатку и собственности. Терявшие земли дворяне вынуждены были пополнять собой сословие бюрократии, поступая на государственную службу. Но и здесь — свидетельствует Пайпс — «частные лица, как бы ни была высока их квалификация, к участию в административной жизни государства не допускались за редчайшим исключением непосредственного высочайшего назначения. Лишь тот, кто хотел и мог сделать чиновничью карьеру целью всей жизни, достигал правительственных высот. Другие были отстранены от государственной службы, а тем самым и от возможности обретения административного опыта.

Но возвыситься до четырёх высших классов чиновничьей лестницы (принявшей на свои ступени к 1903 г. 3765 человек) путём простого продвижения по службе не представлялось возможным, поскольку они принадлежали лишь потомственному дворянству, такие назначения делал лично царь. <...> Чины с 14-го по 5-й давали его обладателю личное дворянство». (1, с. 74) Теоретически, чтобы подняться в службе на высшую 5-ю ступень, начиная от первого производства в чин (низший, 14-й) требовалось 24 года, а для того, чтобы всего лишь получить этот низший, 14-й чин, требовалось проработать канцеляристом в одном из госучреждений от одного до 12 лет. Единственная льгота для дворян — и то со средним образованием — срок выслуги для вступления в 14-ю, низшую ступень госслужбы был сокращён до 1 года. Отсюда видно, что безземельные (хоть и потомственные) дворяне имели немного шансов пробиться в верхний этаж бюрократической иерархии.

Прибавим ко всему этому высокую плодовитость дворян — как потомственных, так и личных. Если в 1858 году потомственных дворян обоего пола насчитывалось 610 тысяч, то менее, чем через полвека их число перевалило за полтора миллиона. Возможности пополнения собой контингента высшей бюрократии, или хотя бы, бю-

рократии среднего уровня, была минимизирована. Пайпс находит у князя Петра Долгорукова (2, с. 182 и 249) весьма примечательное свидетельство. Даже «прилично образованный дворянин не мог начать службу в чине, соответствующем его квалификации: ему приходилось начинать с самого низа и пробиваться наверх, соперничая с профессиональными бюрократами, которые пеклись единственно о собственной карьере. Более образованные и государственно мыслящие дворяне находили такое положение невыносимым и избегали казённую службу. Так была утрачена хорошая возможность привлечь к делам управления наиболее просвещённый общественный слой». (2, с. 249)

Исключительно важным для нас является умение Пайпса строить свои исторические умозаключения не на основе голого прагматизма, а в системе измерений, включающей в себя в качестве базисной также и этическую координату.

Он отнюдь не по принуждению считает дворянство «более просвещённым и государственно мыслящим слоем». Но послушайте, что он говорит о генезисе сословия чиновников — бюрократии среднего и высшего ранга: «Российское чиновничество, восходя к средневековой княжеской челяди, к холопам, в XX веке ещё сохраняло явные черты своего происхождения. Оно сознавало себя прежде всего личными слугами монархии, а не государства. <...> Поступая на службу, чиновник в России приносил клятву верности не государству или народу, а непосредственно правителю. Он служил исключительно монарху и своим непосредственным начальникам. <...> Слово чтобы подчеркнуть происхождение государственных служащих от домашней челяди, чиновнику, независимо от ранга, не давалось права уйти в отставку без позволения. <...> Как личные слуги царя чиновники стояли на д. законом». (1, с. 71-72)

Невозможно не вспомнить при этом суждение Николая I о своих подданных, разделённых на сословия. Сказав лестные слова о каждом из них, он противопоставил им единственное, особое сословие. «Но есть и такое, — молвил монарх, — которое я не уважаю. Это — сословие лакеев». Ирония или трагедия российской государственности в том, что этот царь, как и последующие монархи, укреплявшие бюрократический аппарат, заполняли его преимущественно лакеями. Нынешняя (кадровая) ситуация завещана нам всей поздней историей монархической России!

Антитеза налицо: стремительно лишающееся былого экономического могущества «просвещённое, государственно мыслящее, образованное» родовитое дворянство всё далее отстраняется от участия в государственных делах, лишается возможности проявить свой интеллект на пользу обществу и всей империи. А господствующие на политической сцене и в экономике силы — вчерашняя челядь, действующая по холопскому уставу (она же — государственная бюрократия) и капиталисты, для которых, кроме своего чистогана, не существует ничего. Пример антипатриотизма нашей буржуазии я приводил в своей публикации (в этом же издании) о В.В. Шульгине. В годы Первой Мировой частные предприниматели беззастенчиво обирали государство в качестве исполнителей военных заказов, и лишь когда В.В. Шульгин добился перевода Путиловского завода из частных рук в казённое управление, выпуск оборонной продукции, начиная с 1916-го, удалось наладить.

Вытесняемое на обочину жизни дворянство находит себя в земских учреждениях — здесь им временно удаётся занять ведущие позиции; именно с трибун земских съездов они начинают требовать реформирования российской государственности, пока едва лишь вззошедший на престол Николай II не называет их конституционные инициативы «бессмысленными мечтаниями». Так, ускоренным темпом дворянство вытесняется ещё и в революцию, а немногим раньше пополняет собой нестатусное, но реально существующее сословие «русской интеллигенции». Следующий шаг — участие дворян в русской революции, обращение к марксистской идеологии, субсидирование социалистов и социал-демократов разных мастей. На этом этапе часть потомственного дворянства переходит в явную оппозицию к монархической власти — первоначально под лозунгами либералов. Привожу целиком убедительное суждение Пайпса: «Хотя либералы были умереннее социалистов, правительству они доставляли больше хлопот, в силу того, что в их рядах состояли весьма заметные в обществе фигуры, которые могли свободно заниматься политикой под маркой своей легальной профессиональной деятельности. Для полиции верной и легкой добычей были студенты-социалисты. Но кто осмелился бы хоть пальцем тронуть, скажем, князя Шаховского или князя Долгорукова, даже если они на виду занимались организацией подрывной партии? И как можно было вмешаться в собрания врачей или юристов, даже если было широко известно, что там обсуждаются запрещенные

темы? Это отличие в социальном положении объясняет, почему руководящие органы либералов могли действовать непосредственно в России, практически не испытывая полицейского давления, тогда как эсерам и социал-демократам приходилось руководить деятельностью своих партий из-за рубежа. Это же объясняет и то, почему и в 1905 и в 1917 годах либералы первыми вступали на политическую сцену, опережая на несколько недель своих соперников-социалистов.

Русское либеральное движение имело две основные точки опоры: земства и интеллигенцию». (1, с. 170)

О роли дворян в земских учреждениях я уже упомянул: так же важно ясно представлять себе, что именно дворяне, систематически оттесняемые самодержавием от участия в делах государственных, пополнили собой в значительной мере внеклассовую и весьма многочисленную социальную группу, именуемую интеллигенцией. Пайпс понимает, что огромный духовный и творческий потенциал вчерашней аристократии, не востребованный системой государственной власти, ищет и находит себе пути реализации. Он указывает, что «дворяне среднего достатка, как правило, больше всего интересовались культурой — литературой, театром, живописью, музыкой, историей, политическими и общественными теориями. Именно они создавали аудиторию для русского романа и поэзии, подписывались на периодическую печать, заполняли театры и поступали в университеты. Русская культура — в большой степени произведение этого класса — примерно 18500 семей, из чьих рядов вышли дарования и аудитория, наконец-то давшие России то, что остальной мир мог признать и принять как часть своего собственного культурного наследия». (2, с. 250) И — заключая рассказ о том портрете российского дворянства, который рисует Ричард Пайпс, приведу ещё одну, последнюю прямую цитату из его автобиографической книги «Я жил. Мемуары непримкнувшего»: «Убеждение, что Россия была страной европейской, можно аргументировать вполне убедительно, если рассматривать только её «высокую» культуру — литературу, искусство и науку, которые были действительно европейскими, и игнорировать политические и социальные институты и культуру «низов» общества, которые европейскими назвать нельзя». (4, с. 135) Это высказывание независимого историка, сумевшего полюбить Россию, строго логически оформлявшего узнанное им в процессе научного анализа — прекрасное оружие в сражении с политическими прохо-

димцами, вроде бывшего вице-премьера России Альфреда Коха, наговорившего немало злобных нелепостей по адресу страны в которой он продолжает жить и благоденствовать, и полагающего, будто быть европейцем — это значит подчинить всю свою жизни целям личного обогащения. И совсем уж последнее из Ричарда Пайпса: «Культура б о л е е важна, чем «идеология»; идеи прорастают в той культурной почве, на которую они падают». (5)

V. Обратимся к портрету нашего «подлинно европейского сословия», воссозданному художником — нашим великим соотечественником Александром Солженицыным. Этот портрет нам предстоит составить из отдельных крупных мазков его исторической эпопеи «Красное колесо».

Тема российского дворянства в творчестве Солженицына — предмет диссертации, и не одной. Здесь я лишь слабым пунктиром рискну наметить то, о чём невозможно составить себе представление по отечественным источникам советской поры, а нынешние публикации в «Вопросах истории» и других исторических журналах скороспелы, порой сенсационны и должны ещё отлежаться в сознании. Солженицын не судья, и в «Красном колесе» он лишь рисует типы, представляя их — с голографической объемностью. Его метод — галерея действующих лиц, мотивация их позиций и поступков, вхождение в обстоятельства, определяющие выбор персонажей его эпопеи. И — если Пайпс не упускает сказать, насколько трудным было в имперской России положение дворянства, то и Солженицын, кажется, с удвоенной чуткостью видит неудобства этого считающегося привилегированным сословия. С одной стороны — вековая печать: «Господствующий класс» империи, с другой — почти вынужденное самопроизвольное сползание этого господствующего класса в оппозицию к самодержавию да и к самому самодержцу. И — внутриклассовая дифференциация по множеству дискриминаторов. Класс, продолжающий ощущать себя всё ещё ответственным за судьбу государства и — лишенный средств исполнить свой долг перед народом.

Особенно впечатляет готовность Солженицына разделить устоявшееся и обезличенное суждение о дворянстве, как классе, противостоящем народу. Возьмем «Октябрь Шестнадцатого» — лучшее, что в русской классике написано о Петербурге последних месяцев империи. Одно из описаний окраинного Петербурга — за Невской заставой, где катушечная фабрика, Семянниковский завод, Алек-

сандровский завод — района сугубо пролетарского, где по зимним праздникам на льду Невы сходятся правый и левый берега на кулачные бои, существующего будто бы в неведении рядом лежащего Петербурга имперского, заканчивается устрашающим образом колеблющихся весов, где на одном конце — дворянская столица империи, а на другом — промышленные окраины, работающие на это имперское средоточие России. Вот слова писателя: «Главный вес Петербурга — не то, что смотрится всеми как Петербург. Напротив, это столпление многоцветное днём и многоламповое вечером, это жадное сгроможденье дворцов, театров, ресторанов, магазинов, видится отсюда праздным, безрасчетным, глумливым перегрузком дальнего конца честно рассчитанного рычага, оттого опасным — что на самом дальнем конце рычага, угрожая опрокинуть».

Не только рабочие, ютившиеся за Московской, Невской и Нарвской заставами, на Выборгской стороне, составляют угрожающий противовес имперскому великолепию. Сами же дворяне, помышляя о лучшем, разбалансируют чудом поддерживаемое равновесие — каждый на своём месте и в меру возможностей. Метод писателя — в соединении на страницах своего «повествования» подлинных исторических персонажей и вымышленных, однако списанных с лиц не выдуманных, а реально существовавших, хорошо знакомых писателю. Так, в ряду вымышленных — Саня Лаженицын, воссозданный (по рассказам матери) отец писателя — Исаакий Солженицын, обаятельная Ольга Андозерская в «Октябре Шестнадцатого» — это реально существовавшая блистательная историк-медиевист Ольга Добиаш-Рождественская, причём первые, реальные герои действуют — как им и положено — на высших уровнях, где принимаются исторические решения, а вторые — на нижнем, бытовом. Наверху Солженицын сталкивает двух высокородных дворян-помещиков Шипова и Столыпина, и трагедия в том, что равные и по талантам и по готовности служить России лучшие люди империи не находят общего языка. О Столыпине говорить излишне, а о Шипове — предлагаю фрагмент из «Августа Четырнадцатого» — первого узла этого повествования. Шипов — крупная личность начала века, волоколамский помещик, (а Столыпин — ковенский), и вот что о Шипове написано:

«Любовь к народу бывает разная и разно нас ведёт. Шипов, заслуженный земец, чистейший нравственный человек, всю жизнь и отдал этому служению народу-богоносцу. Донашивая лучшие представления, что все люди добры, и народ добр, лишь не умеем мы

дать расцвести его судьбе, Шипов отказался принять от Государя возглавление кабинета министров при кадетском в Думе большинстве: возглавить и должны были избранники народа кадеты. И тем более он возражал против разгона Думы — не по взрывоопасности такого действия, но: какая есть, неработоспособная, неработоохочая, бунтарская — пусть, пусть Дума делает ошибки! Куда б она Россию ни завела, это естественное развитие: население будет знать, что это — ошибки его избранников, и исправит при следующих выборах.

А Столыпин возражал, что прежде такой проверки свалится вся телега. Что в России опаснее всего — проявление слабости. Что нельзя так покорно копировать заёмные западные устройства, но надо иметь смелость идти своим русским путём. Мало иметь правильные мысли — нужно проявлять и волю, осуществляя их.

А Шипов возражал, что и уверенная воля и успешные действия — тоже не всё, но выше того должна быть глубина нравственного миро-созерцания — и в его недостатке он винил Столыпина».

И ещё одно впечатляющее сопоставление. Глава полиции генерал Лопухин, выдавший революционерам главного осведомителя охранного отделения Азефа, при котором беспрепятственно совершались убийства — и министра Плеве, и в. кн. Сергея Александровича, — Лопухин, запутавшийся в своих интригах — был... товарищем Столыпина по гимназии. И тут Солженицын не выдерживает — его авторский голос (за Столыпина) ощутимо перебивает историческое повествование. «Даже не так поражала личная мерзость Лопухина, как твердеющая догадка: сколько же десятков — или сотен? — таких карьерных шкур и составляли слой власти в России?»

И — если допущенные в высшие эшелоны власти дворяне не способны найти общий язык и вести единую политику, чего же ждать от среднего дворянства... Одни, как Софья Перовская добровольно принимают на себя сомнительную честь стать в ряды первых мировых террористов, другие от имени уездных земств начинают всё более внятно угрожать Государю и покровительствовать тем же террористам и — тем более — социалистам, третьи, четвертые...

Трагедия российского дворянства исторически predetermined. Чем же? Это «что-то» — нечто большее, чем человеческая воля. Дворянство проиграло борьбу за право реально управлять империей, когда оно согласилось передать бразды правления в руки самодержца и окружающей его бюрократии в обмен на земли, поместья при

условии соблюдения норм политической лояльности престолу — при Екатерине II. Отсутствие права майората превратило их «основной капитал» — землю в подобие шагреновой кожи, мелкие поместья не могли стать по-настоящему товарными хозяйствами, а возможность возврата к власти уже пресекалась чиновничьей бюрократией, заполнившей все этажи государственного аппарата. Должно подчеркнуть, что Солженицын и Пайпс, не сговариваясь, и кажется даже не замечая этого, совпадают в главном. Далее — слова Солженицына: «Чувство личной собственности столь же естественно, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное свойство, и оно должно быть удовлетворено». Изначально в России институт собственности не сложился так, как он сложился по выходе из Средневековья на Западе, и никто, не будучи собственником и не будучи экономически независимым субъектом, не мог чувствовать себя достаточно уверенным, чтобы сохранять в определенных пределах суверенное право распоряжаться своей судьбой, не быть слугой сюзерена, сеньора, царя, а если и быть слугой — только собственного народа.

Трагедия российского дворянства, чаще всего осознаваемая как цепь персонально совершенных ошибок, недостаточности воли, своекорыстности и т.п. имеет общий знаменатель. По Пайпсу — это пресловутый вотчинный уклад, по Солженицыну (или по Столыпину) круговая зависимость граждан от Государя и его Двора. Снова прямая речь Солженицына, которую он вкладывает в уста Столыпину: «Нельзя создать правового государства, не имея прежде независимого гражданина».

Нет его и ныне.

И — несколько замечаний — как проекция истории в настоящее. Основная масса полуразорившегося дворянства (сам Пушкин не имел собственного выезда) пополнила собой ряды промежуточной, разносословной группы — интеллигенции, ставшей тем бродильным элементом, который ускорил срыв России в революции. Оттеснение образованного, энергичного, готового служить родине сословия на обочину политического курса России — не повторяется ли и сегодня? Только вместо среднего дворянства — многомиллионные средневозрастные массы интеллигенции советского образца (те, кому за сорок пять), не нажившие собственности и не способные наживать капиталы «из ничего» для себя. Маргинализация этого — условно скажем

— класса «вчерашних ведущих специалистов» не повторение ли это пройденного нами век тому назад ? И — как и тогда — в «экономическом экстазе сливаются» нынешние бюрократы с нынешними же предпринимателями.

Дворянин Александр Блок написал за четыре года до Февраля Семнадцатого: «Не знаем, какие события нам предстоят, но в сердцах наших уже отклонилась стрелка сейсмографа».

Кто способен — вслушивается в эти слова сегодня.

Источники:

1. Ричард Пайпс. Русская революция. Москва, 1994.
2. Ричард Пайпс. Россия при старом режиме. Москва, 1993.
3. Ричард Пайпс. Собственность и свобода. Москва, 2000.
4. Ричард Пайпс. Я жил. Мемуары непримкнувшего. Москва, 2004.
5. «Известия», 27.01.06.
6. Александр Солженицын. Красное колесо. Любое издание.
7. «Общественная организация Петербургское дворянское собрание — «Дворянство и современность» — приложение к Бюллетеню Санкт-Петербургского дворянского собрания, Выпуск 1». Санкт-Петербург, 2006.